

ДИДАКТИЧЕСКИЕ БАЙКИ

*ПОПРОБУЕМ ВЕРНУТЬ ШКОЛЬНОЙ
ГРАММАТИКЕ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ*

МАРИЯ ГАНЬКИНА,
педагог, Москва

Дидактические байки работают стопроцентно. Это касается и работы с классом, и индивидуальных занятий, и репетиторства. И неважно, из начальной школы ученики, или из средней, или это вообще абитуриенты. Важно, что все эти дети одинаково, пуще всех остальных предметов, боятся русского языка. И первым делом надо, что называется, снять с них страхи.

АНТИНАУЧНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ **О реанимации языкового чутья**

С чего я начинаю? Говорю правду. Рефрен: «Ты всё знаешь. Это физику с математикой ты можешь не знать. Хотя там есть несколько основных вещей, несколько постулатов, опираясь на которые – если посидеть и покумекать – можно просто с точки зрения здравого смысла вывести ту или иную теорему. Но там надо эти постулаты вначале выучить. А в русском языке ты их заведомо знаешь! Ты слышишь этот язык от рождения. Ты изъясняешься на нём, пользуешься им. Причём всю свою жизнь. Поэтому здесь ты тем более можешь любую теорему вывести. И тебе вовсе не требуется каких-то особенных знаний. Даже, казалось бы, совсем специфические слова (я имею в виду грамматические термины) – это всё равно не латынь. Они же все прозрачные, «говорящие», как в классической пьесе: Правдин говорит правду, Миловидов – милый с виду. Все грамматические термины – это русские слова. Поэтому они все для тебя говорящие и все знаковые. И уже в самом названии несут содержание того или иного понятия. Другое дело – тебе голову заморочили. Или с перепугу ты что-то не то сказанул. Но если хорошенько подумать и разобраться, то ты всегда сможешь принять то или иное решение. И в восьмидесяти пяти процентах случаев оно будет правильным».

ИСКУССТВЕННОЕ ДЫХАНИЕ

Как-то одна мама привела ко мне дочь-абитуриентку. В школе у Ани по русскому была хоть и нетвёрдая, но все же четвёрка. И вот мама, чуть не плача, рассказывает, что как только они наняли вузовского репетитора, Аня стала делать по двадцать ошибок на одно упражнение.

И что же выяснилось? Репетитор объясняет ей очередную орфограмму, а потом даёт на эту орфограмму тренировочное упражнение. И девчонка, строча упражнение под диктовку и понимая, что это упражнение – на определённое правило, что здесь действует определённый алгоритм, настолько боится этот алгоритм как-то упустить из виду, отклониться на шаг в сторону, что начинает ляпать ошибки чуть ли не в каждом слове. Что получается? Человек пытается «помнить правило» и перестаёт доверять себе – своему слуху, своей руке.

Чтобы привести Аню в рабочее состояние, потребовался чуть ли не месяц занятий. Рефрен: «Ты не пугайся, потому что в нормальном, свободном письме ты никогда в жизни не сделаешь все эти ошибки. Да если мне дадут специальную подборку на правописание наречий, я и сама пяток ошибок уж точно сделаю». И в доказательство просила Аню продиктовать мне одно из её «провальных» упражнений.

И когда Аня и вправду увидела, что я, со своим филологическим,

да ещё МГУ-шным образованием, тоже могу засомневаться, ляпнуть ошибку и бежать проверять в словаре, то как-то совсем успокоилась. А потом, когда успокоилась, у неё возник и подлинный интерес к языку.

Что-то наподобие искусственного дыхания приходится делать: «Давай-давай, дыши, ты можешь, привыкай доверять самому себе, своему языковому нюху. Мне нечему тебя учить. Я только могу помочь тебе вспомнить то, что ты и так знаешь. Вот теперь давай рассуждать с точки зрения здравого смысла...» И так, пока человек не вдохнет полной грудью.

БЕЗ ВСЯКОГО ПИЕТЕТА

В русской грамматике - а точнее сказать, в школьной программе - есть несколько таких тем – фундаментальных, что ли, – которые очень часто становятся камнем преткновения для многих школьников. И если вовремя не помочь им в этих темах хорошенько разобраться, не распутать клубок досадных школярских недоразумений, то дальнейшее продвижение в тонкости грамматики бессмысленно. Это как, например, без соответствующей постановки голоса браться за арию Розины для колоратурного сопрано.

Проблемы будут плодиться, порождая ещё большие. И вот что интересно: проблемы эти у большинства детей, как правило, одни и те

же. Ну, например, редкий ребёнок, окончив начальную школу, не путает понятия «часть речи» и «член предложения» (даже в средней школе такое встречается).

У меня есть несколько палочек-выручалочек, которые возвращают в глазах учеников здравый смысл некоторым основным школьным грамматическим понятиям. Это некие дидактические байки, рассказы, наподобие тех, что сочиняет Татьяна Рик. В свое время мне в руки попали её книжки (например, «Здравствуй, дядюшка Глагол»), и я была совершенно ими очарована. И очень широко использовала в работе со своими учениками.

Особенно запомнилась сказка про жителей городов Первоспряженск и Второспряженск, из которой наконец становится ясно, что это за глаголы-исключения такие – то есть за что, собственно, и откуда исключили бедняжек. На уроках чтения (это был четвёртый класс) мы читали эту сказку на разные лады, а потом разыгрывали. На рисовании – рисовали. Ну, а на русском – проверяли, как работает интуиция.

И вот этот принцип рассказывания баек по поводу тех или иных грамматических или языковых явлений очень мне понравился. И я стала сочинять свои. Они, конечно, никакие не литературные. Читать их, в отличие от сказок Татьяны Рик, не очень-то интересно. Но ведь байки – на то и байки,

чтобы их не читать, а по ходу дела и как бы между прочим сочинять и друг другу рассказывать – *баять*.

А ещё, я надеюсь, несколько моих простеньких грамматических рассказов придадут читателям смелости (а то и наглости), чтобы почувствовать себя с грамматикой на короткой ноге. Без всякого пиетета к науке. А просто человеком, говорящим на русском языке. И в этом смысле находящимся практически в равных с учениками условиях.

ЗЕМЛЯНАЯ ИСТОРИЯ

Байка первая.

О том, что такое часть речи

К примеру, я обнаруживаю, что на вопрос «Какой это член предложения?» человек говорит: «Существительное». А на вопрос «Какая это часть речи?» говорит: «Сказуемое». Всё смешалось в доме Облонских. Путаются в голове у человека две классификации по совершенно разным основаниям.

Что я делаю? Для начала рассказываю байку про части речи. Рисую на листочке такую огромную кучу. И говорю: вот если все слова, какими мы пользуемся, общаясь друг с другом, которые мы за всю свою жизнь произносим, и не только мы, но и вообще все люди, говорящие на русском языке, если все-все-все слова русской речи свалить в одну кучу, – то вот эта куча и будет *вся русская речь*. И пишу на куче: ВСЯ РУССКАЯ РЕЧЬ.

А теперь мы из этой большой кучи возьмем и повыбираем в отдельную маленькую кучку – я её непременно рисую, эту маленькую кучку земляцы, холмик такой – все слова, которые обозначают действия и состояния (ну и ещё ряд признаков, но не об этом сейчас речь). Вот если все-все такие слова мы соберём в маленькую кучку, то это уже будет не ВСЯ русская речь, а только ЧАСТЬ всей русской речи. Короче, ЧАСТЬ РЕЧИ. В данном случае – глагол.

Но не о глаголе речь. Важно понять, откуда берутся все эти термины. Для ребёнка они – хуже латыни. Что за ними стоит, он не понимает. Он уже заранее знает, что, если надо учить определение (как в физике), то это заведомо сложно.

А на самом деле эти термины значат ровно столько, сколько они значат. Подлежащее – так оно действительно *подлежит* чему-то. Прилагательное – так оно дей-

ствительно к чему-то *прилагается*, а определение – *определяет*. И так далее, и тому подобное.

А что же такое *часть речи*? Я рисую ещё одну маленькую кучку и говорю: а теперь повыбираем из большой кучи все слова, которые обозначают существо, предмет, явление (грубо говоря, отвечают на вопросы *кто?* и *что?*) и соберём их в ещё одну маленькую кучку. Это *ещё одна часть всей речи*.

Таких кучек можно насобирать 13 штук. Всю эту здоровую кучу всей русской речи можно разобрать на тринадцать маленьких холмиков, которые суть части вот этой всей большой кучи. И если все эти части сложить, то опять же получится *вся русская речь*.

Короче, вот такая получается земляная история.

*/Продолжение
«Дидактических баек»
читайте в следующих
номерах журнала./*

